

03.04.93.2

182

Остроумова Ольга

Ольга ОСТРОУМОВА:

Вет. клуб - 1993 - Зима - с. 7.

«Актриса должна быть в ореоле, тайной для зрителей, а у меня сразу всем все ясно»

Ей по душе кинофестивали (особенно тот Московский и тот Венецианский, на которых произвели фурор «А зори здесь тихие...» с ее участием). Но в ночь на 1 июля Театр имени Моссовета уехал на гастроли в Питер. «Получится окно — примчусь в Москву хоть на один фестивальный день», — сказала мне на прощание заслуженная артистка России, лауреат Государственной премии, обладательница золотой медали имени Довженко, член общественного совета «Вечернего клуба» Ольга Остроумова.

— Когда и в каких картинах мы вас теперь увидим, Ольга Михайловна?

— В двух достаточно оригинальных лентах; во всяком случае меня они увлекли. На студии «Беларусь» по заказу «Останкина» снят телефильм «Прощальные гастроли» по повести Юлиу Эдлеса. Четыре провинциальные актрисы едут в поезде на гастроли и обратно, вот и вся фабула. Три мои партнерши — Людмила Гурченко, Нина Усатова (из Большого драматического имени Товстоногова) и Светлана Рябова. А когда вам это покажут, спросите «Останкино». Сейчас снимаюсь на Свердловской студии в детективе, играю — не поверите — убийцу! Постановщик маститый: Ярополк Лапшин. Название ленты (условное) — «Уснувший пассажир». И я — главный злодей, ну не смешно ли?..

— Когда-то вы сказали мне, что любимая ваша кинороль — Женя Комелькова в «Зорях». Так оно и остается?

— Знаете, время идет, и мы меняемся. Недавно я впервые посмотрела «Зори» отстраненно и многому ужаснулась. Наверное, стала кое-что понимать в профессии. Отметила схематичность, прямолинейность, словом, предъявила себе массу претензий, хотя, в общем-то, все еще люблю эту свою работу. Помнится, на Венецианском кинофестивале бесцеремонный отечественный фоторепортер, снимая нас, участниц «Зорь», командовал: «А теперь, девочки, наденьте самые лучшие свои шмотки!». А у нас ни лучших, ни средних тогда не было; мы же только-только начинали.

— В своей первой картине — «Доживем до понедельника» — вы, наверное, играли просто саму себя?

— Что вы, там ведь мой персонаж — первая красавица класса, а я таковой себя не считала. Первой красавицей у нас была Наташа Георгиевская.

— Где это «у нас»?

— В школе в Самаре, куда переехала наша

семья (родилась я в Бугуруслане). У нас большая семья. Нас, детей, четверо. И знаете, хотя актрисой стала одна я, во всех нас всегда было что-то такое творческое, «частица черта». Старшая сестра, Рая, инженер водного транспорта, когда я приехала в отпуск, вдруг сказала: «Хочешь, я для тебя чечетку отобью?». Лихо отбила — и заплакала. Порывы юности, даже не осуществленные, дают о себе знать... Средняя наша, Люся, с детства писала стихи, а потом стала газетчицей, выдавала свои «информашки» и была счастлива. Гуманитарность у нас — от папы, Михаила Алексеевича. Он учитель.

— Русского языка и литературы?

— Нет, физики. Но разве только физики? Бывало, он усаживал нас с братишкой Герой на диван и читал вслух «Остров сокровищ». Сам сделал лодку, и мы вчетвером — он, мама, Гера и я — плавали по речке Кинели, по Самарке с выходом на Волгу. Папа никогда не воскликнет: «Посмотрите, какой рассвет!». Он просто будет смотреть, и мы заметим это и тоже станем смотреть, чтобы видеть то, что видит папа. В молодости он сам сделал роля, но в доме случился пожар, роля сгорела; остались тоска по инструменту и мечта, чтобы кто-то из детей играл. Меня отдали в музыкальную школу, для чего продали мамину шубу и купили пианино... Однажды папа заметил мне: «Ты восторженно высказываешься об отце, и это несправедливо: без мамы не было бы ничего — ни нашей библиотеки, ни лодки, ни плаваний. Трудно жить вшестером на одну учительскую зарплату, но мама, наша с тобой Наталья Ивановна, ухитрилась сделать так, что вроде и нетрудно».

— Как вы приобщались к театру?

— Школьницей начала играть в народном театре клуба железнодорожников...

— Почему именно в нем?

— А он ближе к дому... Понятия не имела о существовании театральных училищ имени Щукина и Щепкина; о ГИТИСе узнала из газеты. И поехала поступать. На собеседовании мне сказали: «Не советуем выходить даже на первый тур. У вас фактура героини, а голос трагистки». Многие умеют плакать, когда это нужно, я не умею до сих пор, но тут, знаете, разревелась, выйдя с собеседования. Такие были рыдания... На первый тур все же пошла, читала пушкинское «Мороз и солнце, день чудесный», а из прозы — «Лист» Пришвина, вещь не для сцены, но ее папа очень любит. И меня приняли.

Столик на двоих

— Как они сейчас, ваши близкие?

— Все живы-здоровы! Папе уж под восемьдесят, но он не поддается возрасту. Рая вышла на пенсию. Ее муж был начальником участка, а теперь его пост занял их сын Алешка. Другой сын, Андрей, с малых годков хотел быть врачом, и, знаете, сейчас он, можно сказать, маститый анестезиолог. Люся с мужем трудятся в какой-то фирме. Вот семья на снимке: стоим мы с Раем, сидят Люся, мама и отец. А Герка в этот момент был, скорее всего, при исполнении — на Байконуре.

— Итак, стали вы актрисой...

— Но актриса я нетипичная. Чересчур откровенная. Актриса должна быть в ореоле, оставаясь тайной для зрителей, а у меня все сразу всем ясно! Не тщеславна, не жажду поклонения. Мое тщеславие лишь в том, чтобы работу свою сделать получше, на пределе возможностей. Я не гонюсь за модой, не стараюсь уловить все веяния времени («Ты была на выставке Шагала?» — «Как же, как же, была три раза, в том числе на открытии!»).

— А каков ваш творческий метод? Как вы подходите к новой роли, как ее примериваете на себя?

— Полагаюсь не на интуицию, а на логику. Работать трудно. Когда служила в Театре на Малой Бронной, то Глафиру в «Волках и овцах» до генеральной репетиции не знала, как играть. Тоня Дмитриева говорила: «Да ты что,

молодо-зелено!.. Скорее всего, я так заявила потому, что, как правило, играла без конкурентов, назначалась на роли одна. Надо сказать, что в творческом плане жизнь меня баловала. Я играла то, что хотела играть, там, где хотела, и провал для меня пока явление неизведанное.

— При всем том вы отважная актриса. Обзавестись смолоту двумя детьми — своего рода творческий подвиг.

— Станный взгляд на вещи. И, увы, распространенный. Никакой не подвиг! У Иры Муравьевой двое детей, у Кати Марковой двое, у Риты Тереховой. Нас дома было четверо. Я не могу отказаться от детей ради работы. Как не могу и отказаться от работы ради детей. Планета вращается, дети рождаются, значит, не все так плохо!

Нет, все-таки многим хорошим наделили меня родители. Прежде всего жизненной силой. Я все время кручусь: дома убрать, в магазине в очереди постоять, успеть на дубляж, на репетицию в театр и к ужину домой, чтобы заняться детьми. Они у меня золотые.

— Когда я позвонил вам: «Можно попросить Ольгу Михайловну?», солидный дамский голос уточнил: «Старшую или младшую?».

— Ну, конечно, это озорница Оля уточнила!.. У нее сейчас ответственный момент: поступает в институт.

— А молодой человек? Кажется, ему сейчас десять лет и два месяца?

— Да-да-да, вспоминаю: одно из интервью вы брали у меня в марте 1983-го, и я вас тогда предупредила, что через месяц должна родить, так что пусть вас мой вид не шокирует... Ну да, Миша появился на свет в апреле 1983-го. О, это уже сложившийся человек, со своими позитивными принципами, с характером. Он окончил четвертый класс. Занимается музыкой. Как-то я спросила его: «Может, бросить эту музыку?», имея в виду, что через силу, без охоты, все равно многого не достигнешь. А он в ответ: «Мам, если тяжело, давай бросим (как-никак, платим за уроки три тысячи в месяц). Но мне бы хотелось продолжать». Ходил на занятия карате. Увлечен такой, крепкий, кулачище уже сегодня вот такие. Говорю ему: «Ты зря не дерись, ты вон какой здоровый. Только за справедливость стоит вступиться, а если к самому пристанут, лучше сперва предупреди, чтобы не нарывались». И вот приходит он домой и признается: «Мам, ко мне сегодня один из пятого «А» лез. Честное слово, я его три раза предупредил...». Читают они оба много, всем интересуются. Хорошие у меня дети.

— Ольга Михайловна, без тени лести и с чувством глубокого удовлетворения констатирую, что вы сегодня выглядите лучше и моложе, чем, скажем, десять лет назад.

— Натура такая. Должна быть в форме. Мой стиль — спортивный; люблю джинсы, свободные рубашки с отложным воротником. Не хочется быть рохлей, тетехой (специально употребляю эти слова, чтобы подчеркнуть альтернативу). Занялась шейпингом, два часа в неделю... Впрочем, все это чушь. Главное — я не чувствую себя старше, чем в юности. И по-прежнему верю в удачу.

— Вы объездили полмира в составе киноделегаций и киногорупп. Пришли к каким-то выводам, подытожили увиденное?

— Да, я была чуть ли не во всех странах Южной Америки и Африки, даже на Мадагаскаре, много в Европе. Мое открытие для себя: на планете живут не латиноамериканцы, африканцы, французы, итальянцы и так далее. На планете живут кинозрители!

Гостью принимал
Эдуард ЦЕРКОВЕР.
Фото Игоря ИВАНДИКОВА.

